

Александр Ткаченко

* * *

Господин Президент!
Мы мешаем Вам жить,
Мы мешаем Вам спать...
Мы гремим новостями
Или гласом народа,
Но не Вы нам свободу давали
И не Вам ее отбирать.
Господин Президент!

Александр Сергеевич,
он - из Питера,
Он восславил свободу,
Побойтесь хотя бы Пушкина.
Но что Вам Пушкин,
Если Вам осанну поют михалковы?
Господин Президент!
Два гражданских министра,
Ни звезды у них на погонах,
Но в душе они - генералы...

Господин Президент!
Мы мешаем Вам жить,
Мы мешаем Вам спать...
Я подарю Вам огромный плейер
И большую кассету, много, много кассет,
На которых записана тишина,
Мертвая тишина...
Это то, что Вы хотите
слушать в России,
Господин Президент?

Осколок

Событие наползает на событие
пуля догоняет пулю
в щель просовывается только телеграмма
о смерти
В метро шумит дождь мезозоя
на поверхности шелестят шины
из древесины юрского периода
что останется от нас?
Бомж трубит в бутылку пива
побудку Курскому Казанскому
и все разлипают свои веки
Босх рисует их с высоты 15-го века
Они разбредаются между нами —
бомжами в шелковых галстуках
и скользких пиджаках
монетка западает не туда
Набирают Москву, а попадают в человека

Две плоти

Люблю я девушку с веслом,
она стоит под кипарисным жаром
и, обреченная на слом,
не даст за деньги или даром.
В ее бисквитной полуплоти
сокрыта лень и кротость сталинистки.
Эпоха поставила ее напротив
моих инстинктов самых низких.
Я думал так, пока однажды
под краской, треснувшей от перемен,
не увидел порывы тяжелой жажды
и не услышал дрожь колен...
Я вырос возле девушки с веслом,
и грудью каменной она меня вскормила
и погулять пустила на запретный склон,
не думая о том, что будет или было.
Что я без прошлого? Особенно чужого,
оно еще под масляною краской дышит.
И в камень до молекулы, до атома тяжелого
меня еще не скоро впишет...

Метод Родена

Если бы я ваял на века
я ваял бы флейтистку
как она припадает к тонкой щели
будто яд высасывает
яд змеи
укусившей человека
чуть отвернувшись налево
справа пальцами выдавливая
через отверстия тягучую страсть
и соблазн смерти —
для себя яд и серебряный след
для других
Легкие два крыла
Легкие — два крыла меж лопатками
и сосками образуют подъемную силу внутри
и противогазная гортань но главное — губы
восьмерка их бесконечности
принимает столько форм
сколько раз изменяется мир
сколько раз изменяется мир
губы — створки устриц два входа и выхода
вдох и выдох — от ничего до человека
нужно только принять, проглотить
Млечный Путь
и вносить его со звездами и туманом в глазах
и выдохнуть его вместе с криком
флейты столько раз
сколько раз меняется мир
сколько раз меняется мир
столько форм обретая
сколько губы ее сумеют
припасть к простейшему изобретению
древних — прутик с внутренней пустотой
и отверстий по количеству
пальцев и еще —
сколько сердце захочет.

Берег

Когда распахнешь двубортную ночь
и море ударит по всей твоей плоти
всем, что за века смогло натолочь
на камнях своих крепостей, и, напротив,
ничем, пустыней в скелетах миражей,
ударит, как медленный колокол,
как тягучий стакан спиртного
и отравленных репортажей,-
нет, я не отпряну, я двинусь... И около
двери застыну, как лепка природы,
меня припечатавшей к стенам стихий,
где бились - воды об воды,
ветры об ветры,
и стали тихи
кофейные чашки, подносы, платаны
у окон и чайки на мусорных водах.
Так кто я?
Порыв не ответит, он дверь приоткроет,
дохнет еще больше настоящим распадом,
Что носит на гребне обломки героев
и семя всемирно известного сада.